

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ВОЗВРАЩАТЬ СЕБЯ В ДЕТСТВО

ДЕТСКО-ВЗРОСЛЫЙ ПРОЗАИК

В последние годы он напоминал степенного, умудренного жизнью воробья. Серьезный, слегка взъерошенный: на макушке непослушный мальчишеский вихор, немодные очки сидят на носу неровно — одна дужка выше другой. Иногда он их снимал, чтобы протереть, и глядел на окружающий мир по-детски удивленно и беззащитно. А то, что глаза его светятся добротой и грустноватой иронией, было видно сразу, даже сквозь стекла.

Познакомились мы давно, четверть века назад, но при каких обстоятельствах, увы, не помню. Зато память сохранила разговор, который я невольно подслушал в апреле 1985 года, сидя

чекская искорка... Такие люди, честное слово, всегда были редки, а сейчас их, увы, все меньше и меньше.

ВЛЮБИЛСЯ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Давно известно: писателя делает судьба. Не внешняя канва биографии, она может казаться ровной и благополучной, а глубинная работа души, трудная и болезненная, скрытая подчас не только от посторонних глаз, но и от самого автора. Хотя, конечно, важны и поворотные моменты жизни. Они как ступеньки длинной лестницы: ты поднимаешься на очередной пролет, и окружающий мир вдруг открывается в неожиданно новом ракурсе. Так, наверное, и возникает не-

возникла в прозе Кузнецова.

А главное — рядом море! Стоит убежать на берег, и ты — на пороге волшебного мира. Там идут на нерест стада лососей, сонно колышутся водоросли, среди них прячутся кусачие крабы и стремительные чилимы. Там колют пятки морские ежи, ползают по дну витые ракушки, лежат гребешки, похожие на ребристые блюдца. Там торжественно плавают медузы, а иногда возле берега выныривают любопыт-

нечно, он влюбился в него с первого взгляда. И признавался, что, хотя и родился в Москве, никогда даже не помышлял вернуться в столицу. А ведь для писателя, особенно в те годы, близость к столичным журналам и издатель-

22 СЕНТЯБРЯ ИЗВЕСТНОМУ САХАЛИНСКОМУ ПИСАТЕЛЮ ОЛЕГУ КУЗНЕЦОВУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 75 ЛЕТ

в актовом зале областной научной библиотеки на ежегодном совещании молодых литераторов Сахалина. Кто-то позади меня обсуждал местных мэтров — членов Союза писателей, которые занимали места в президиуме. «Вон тот, светловолосый, в очках, — Олег Кузнецов. Пишет рассказы и повести для детей, вполне приличные, даже в Москве печатались. Сам понимаешь, Кузнецовых в литературе пруда пруди, вот он, чтобы выделиться, и придумал себе псевдоним: Кузнецов-Дальний. Даже книжку одну под этим псевдонимом выпустил. А поэт Миша Финнов сразу и выдал: "Кто-кто автор? Кузнецов-Недалекий?" В общем, сейчас Олег Павлович опять просто Кузнецов. И уже перешел на взрослые темы».

Кстати, намного позже я узнал, что Кузнецов — самая распространенная русская фамилия. Их чуть не вдвое больше, чем Ивановых! Так что стремление молодого прозаика выделиться, отразить в псевдониме свою географическую принадлежность, было вполне объяснимо. В конце концов, очень многие замечательные писатели прославились именно под псевдонимами, а их настоящие фамилии нынче помнят только литературоведы.

А тогда, из глубины зала, я постарался внимательнее разглядеть детско-взрослого прозаика. Почему-то подумалось: «Вот кому идеально подходит определение «рафинированный интеллигент». Сразу было видно, что человек пришел в литературу не от станка, что он, книжная душа, словно рожден именно для работы с текстами. Позже, когда довелось ближе узнать Олега Павловича, я понял, что первое впечатление было отчасти обманчивым. «Рафинированности», то бишь нарочитой искусственности, в нем не было ни на грош. Зато в изобилии было то, что мы вкладываем в понятие «интеллигентность»: природный такт, порядочность, ясный ум, начитанность, готовность принять чужую точку зрения, неугаиваемая твор-

Олег Кузнецов — литсотрудник районной газеты. Конец 1950-х, г. Холмск.

объяснимая потребность описать эти открытия своими словами.

Для Олега Павловича, как мне кажется, таким поворотным моментом стал переезд из Москвы на Сахалин. Он об этом иногда рассказывал на встречах с читателями. Представьте себе: родители привозят десятилетнего мальчишку, выросшего среди асфальта и многоэтажных зданий, на самый настоящий остров! Это происходит в 1946 году; русские на Южном Сахалине живут бок

ные нерпы и смотря на тебя удивленными круглыми глазами. И всегда — утром, днем, вечером и ночью — стоят на рейде корабли, готовясь уйти в неизведанные океанские просторы.

Не меньше чудес ждет мальчишку и в близких сопках, покрытых лесом. Здесь тоже сплошная экзотика! Стеной стоят огромные лопухи, лианы ползут вверх по лиственным, аралия цепляется за одежду острыми шипами, плотные заросли низкорослого бамбука намертво захватывают в плен пустоши и перелески. В быстрых каменистых речушках, в бочажках, полных прозрачной воды, жадно хватается наживку жемчужная мальма. К осени поспевают кисло-сладкая рябина, падает на землю с лиан зеленая, слегка похожая на продолговатый крыжовник ягода актинидия — в просторечии кишмиш. А съедобные грибы вешенки надо собирать, глядя не под ноги, а на деревья, их оттуда иногда приходится сбивать палками...

...Это я попытался воспроизвести, как Олег Павлович однажды рассказывал про свои первые годы на острове. Ко-

ствам открывала весьма заманчивые перспективы.

Я не раз удивлялся тому, как хорошо знает он сахалинскую природу, как увлеченно рассказывает о ее тайнах. Первые литературные опыты молодого Кузнецова — именно об этом волшебном мире, который он увидел мальчишкой и полюбил навсегда. Так остры и глубоки были детские впечатления, что их хватило до конца жизни.

ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

А начинал он путь в литературу, как и многие, с журналистики. С 22 лет работал литсо-

три тоненькие книжки для детей: «Роса на водорослях», «Волочаевка» и «Тайфун». Светлые, добрые, романтические рассказы о сказочном острове Сахалин — как раз то, что нужно юному сердцу в пору взросления.

Позже он написал славную повесть — «Быль о седом калане». Она выдержала несколько изданий, в том числе выходила и в Москве, в издательстве «Детская литература». Так вот, однажды, выйдя во двор, чтобы позвать домой семилетнюю дочь, я увидел, что она читает вслух эту книжку своим подружкам. Девчонки сидели рядом на бортике песочницы, боясь шелохнуться, забросив своих кукол, в которых до этого шумно играли. Я не решился прервать эту идиллию, сел на скамейку возле подъезда и стал наблюдать за компанейной юных поклонниц моего прямого начальника (к тому времени я уже работал редактором Сахалинского отделения Дальневосточного книжного издательства, и пригласил меня туда именно Олег Павлович Кузнецов, возглавивший отделение в 1986 году). Когда дочь закрыла книжку, девчонки долго еще о чем-то щебетали. Наверное, обсуждали полную приключений жизнь морской выдры, которую автор так трогательно описал.

Может быть, напрасно он прекратил сочинять для малышни — кто знает? Это ведь самые искренние и благодарные читатели. А у Олега Павловича был редкий дар — возвращать себя в детство.

При этом он был, безусловно, типичный литератор советской эпохи. И тесный пиджак социалистического реализма ему долгое время казался впору, не особенно мешал. Впрочем, проза для детей и не требовала слишком уж прилежных идеологических заклинаний, а вот когда он начал писать «взрослые» книги, то вольно или невольно следовал заветам советских классиков. Повесть «Лагуна», вышедшая в 1983 году в Сахалинском отделении Дальиздата, мне показалась слишком уж публици-

Служба в армии. Совгавань, 1956 г.

трудником холмской районной газеты «Ленинское знамя», потом — в макаровской межрайонной газете «Родная земля». Журналисты тогда считались идеологическим авангардом КПСС. Чтобы расти по службе, нужно было партийное образование. Очевидно, какие-то карьерные устремления у Олега Павловича все-таки были, потому что он поступил на факультет журналистики Высшей партийной школы в Хабаровске и окончил его в 1969 году. После чего был назначен на должность редактора александровско-сахалинской районной газеты «Красное знамя».

Но, видимо, газетная подешина была нужна лишь для заработка, а из души рождались совсем другие слова. Ко времени завершения учебы в ВПШ у Кузнецова уже вышли в Хабаровском книжном издательстве

стичной. Хотя автора тогда хвалили за смелость. Тему он взял большую — рассказал о том, как варварски уничтожают ради выполнения плана ценную водоросль анфельцию, растущую в лагуне Буссе, а без нее погибнут и другие подводные обитатели. Лучшее в этой повести — искренняя боль писателя за беззащитных чилимов, гребешков, трепангов, крабов... И голос Олега Павловича в их защиту оказался пророческим — ведь буквально через десять лет, в девяностые годы, в лагуне развелось самое лютое браконьерство! Лихие ребята почти уничтожили там всю жизнь. Да и неудивительно: килограмм сушеного трепанга в Китае покупали за тысячи долларов. Сегодня уникальная лагуна только-только начала восстанавливаться. И получается, что за долго до беды писатель ее предчувствовал, старался предостеречь всех нас. Увы, браконьеры вряд ли читали ту книгу...

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ЧУТЬЕ

Литераторов тогда часто приглашали в творческие командировки по линии бюро пропаганды художественной литературы. Была в те годы на Сахалине (да и во всех других регионах нашей необъятной Родины) такая замечательная структура, которая организовывала встречи писателей с читателями в самой далекой островной глухомани — на рыбацких судах и судоремзаводах, в школах и профтехучилищах, на шахтах и в совхозах... И наш директор, как профессиональный прозаик, не упускал случая покинуть на время свой пост ради творческой командировки.

За выступления, кстати, неплохо платили, но ездили выступать мы, конечно же, не только из-за денег — сами поездки были как праздник для души. Бригады «литературного десанта» часто формировались исходя из принципа дружеской привязанности участников. И эти командировки давали счастливую возможность вволю наговориться с близкими по духу людьми — «товарищами по перу», как мы в шутку называли друг друга. Перемещение по островам (ведь мы бывали и на Курилах) насыщало взор восхитительными пейзажами. А сколько было душевных бесед в гостиницах, сколько забавных случаев происходило с нами!

Добавлю к этому, может быть, самое главное: для писателя, пусть он даже и признанный мастер, общение с аудиторией глаза в глаза — как экзамен на творческую состоятельность. Хотя и с некоторыми оговорками: ведь литератор все-таки, не актер, и не всегда умеет донести до публики суть написанного. Да и романы со сцены читать тоже не stanno.

Поэтому Олег Павлович обычно выступал на публике со своими юмористическими текстами. И всегда срывал бурные аплодисменты. Один его короткий рассказ я помню чуть ли не дословно — про мужика, который на неделю ушел в загул, пока жена была в отъезде, и забыл, что дома остался некормленным избалованный котлетками и свежей рыбкой кот... Когда автор дохо-

дил до эпизода, в котором отошавший Мурзик жрет луковичку, завалившуюся на балконе, публика буквально икала от хохота!

А вот экспромтом говорить он умел неважно — чувствовалось, что, рассказывая, слишком тщательно подбирает слова, словно пытается вспомнить кое-какой ученый урок. Но иногда, если

В рыночную эпоху Олег Павлович сумел выпустить около десяти книг: три романа, несколько повестей, сборник воспоминаний о «товарищах по перу».

вопрос из зала задал его за живое, Олег Павлович словно преобразился. И горячо, увлеченно, ярко говорил, например, о той же проблеме бережного сохранения островной природы. Кстати, одним из первых, еще в самом начале перестройки, он на творческих встречах начал опровергать официальную советскую версию о том, что японцы за время своего хозяйствования на Южном Сахалине и Курилах якобы не создали здесь ничего полезного, а только грабили природные богатства островов. Кажется, именно в те годы Олег Павлович нащупывал свою, как сейчас говорят, эксклюзивную тему для бу-

Дома за рабочим столом, 1962 г.

дущего романа о русских людях, оставшихся на Сахалине после того, как южная часть острова в 1905 году отошла японцам.

Этот роман в двух частях он назвал «И жили люди на краю». И издал уже после того, как огромная страна развалилась на пятнадцать государств. А сам он ушел с поста директора, трезво оценив свои силы и поняв, что в условиях «дикого» рынка ему издательство не вытянуть.

Но об этом чуть позже, а пока — еще немного о годах перестройки, совпавшей с короткой эпохой книжного бума, когда любые мало-мальски интересные книги мгновенно сметали с прилавков. Наш директор замечательно вписывался в плановый, неспешный производственно-творческий процесс. «Выбивал» дополнительные лимиты на бумагу, сверхплановое финансирование, охотно поддерживал наши с техническим редактором

Александром Смирновым полуфантастические творческие проекты — вроде издания в оригинальном переводе популярной когда-то книги Уильяма Берроуза «Тарзан из племени обезьян» (кстати, мы ее выпустили одним из первых в стране, стотысячным тиражом, который был продан до последнего экземпляра). У Олега Павловича было хорошее чутье на рукописи, которые обещали успех у читателей. Например, он задумал и сам подготовил к печати две замечательные книжки «Лекарственные растения Сахалина» и «Грибы Сахалина» — обе долго пополняли бюджет нашего издательства, помогая нам выживать в трудные времена.

Было у Кузнецова-издателя

Знакомство с новым редактором Сахалинского книжного издательства Олегом Кузнецовым. Поэты Борис Репин, Виктор Кольцов, Николай Тарасов, 1972 г.

не мало и других славных качеств. Хотя сам он писал в традиционной манере, охотно позволял публиковать «авангардных» авторов. Например, пронзительную повесть Владимира Грышука «На Чепухе», в которой автор вовсе использовал редкий для отечественной прозы метод — «поток сознания». Олег Павлович искренне радовался творческим удачам тогда молодых, а теперь уже известных писателей: Александра Яковлева, Сергея Чевгуна, Владимира Денисова, Людмилы Баженовой... Не стоял над душой, когда я составлял ежегодный литературно-художественный сборник «Сахалин», так что мне удалось напечатать в нем несколько таких текстов, о публикации которых и мечтать не приходилось еще пару лет назад.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО

В общем, наш маленький издательский коллектив жил бурной, насыщенной творческой жизнью. И вдруг — все рухнуло. Наступил 1992 год: в стране объявили капитализм, отпустили цены. Никогда раньше я не видел Олега Павловича таким растерянным. Каждый день, придя на работу, он возмущался: «Да они что, все с ума посходили?! Знаете, почему сегодня сметана в магазине? Сто двадцать рублей! Еще вчера была шестьдесят, а третьего дня — сорок... Это что же делается, а?»

Но еще в больший ужас он приходил от стремительно растущих цен на бумагу и услуги типографии. «Как же мы план будем выполнять, что делать?!» Звонил во Владивосток, в центральный

офис Дальиздата, там ничем не могли его утешить: сами пребывали в полном неведении, как жить дальше. Для государственных издательств наступали тяжелые времена. Зато как грибы плодились частные издательства, они быстро насыщали книжный рынок низкопробной, но востребованной продукцией, получали солидные прибыли. Чтобы выжить в этом стремительно меняющемся рыночном хаосе, нужно было уметь «крутиться».

Олег Павлович быстро понял, что это — не его стезя. И решил перейти работать в областной архив: там все-таки поспокойнее, зарплата пусть маленькая, но гарантированная и есть возможность заниматься любимым делом — сочинять прозу.

Переход в архив стал очередным поворотным этапом в жизни Кузнецова. Там он «нарыл» массу интереснейшего первичного материала для своих будущих исторических романов о прошлом Сахалина. Издавались они трудно: приходилось искать спонсоров, государство в те годы почти перестало поддерживать издание художественной литературы. О коммерческом же успехе даже самых ярких изданий на крохотном островном рынке даже мечтать не приходилось. Тем не менее в рыночную эпоху Олег Павлович сумел выпустить около десяти книг: три романа, несколько повестей, сбор-

Было видно, что человек пришел в литературу не от станка, что он, книжная душа, словно рожден именно для работы с текстами.

ник воспоминаний о «товарищах по перу». Часть книг была издана благодаря государственной поддержке, но чаще деньги давали меценаты — из уважения к прозаику, который упорно, несмотря ни на какие внешние обстоятельства, продолжал делать свое главное дело: писать о любимом острове и его жителях.

ЖИЗНЬ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ БЕСКОНЕЧНОЙ

Литературные заслуги Олега Павловича Кузнецова, слава Богу, были отмечены еще при жизни. Он стал лауреатом премии губернатора Сахалинской области, международной премии имени Ю. Рытхэу, дважды — лауреатом премии Сахалинского фонда культуры. Получил звание заслуженного ра-

ботника культуры Российской Федерации, был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

В последние годы мы виделись нечасто: лишь на собраниях сахалинской писательской организации, да иногда сталкивались в здании областной типографии, где он готовил к печати книги издательства «Лукоморье». Помню, в середине мая 2009 года я встретил там Олега Павловича: он тяжело поднимался по лестнице на второй этаж, то и дело останавливаясь и хватаясь рукой за левый бок. «Что-то сердце прихватывает», — виновато улыбнулся он, ответив на мое доброе приветствие. Потом мы минут десять разговаривали в коридоре.

Я тогда как раз дочитал его новый роман «А стрелки ходят по кругу» — о сахалинском капитане Зурбанове, именем которого назвали рыбооловецкий сейнер, — и стал нахваливать книгу за динамичный сюжет, точные детали... Видно было, что ему приятно, но он все же перебил меня и спросил, пишу ли я сам сейчас какую-нибудь новую вещь. Я отвечал уклончиво — мол, не хватает досуга, а он серьезно так сказал: «А потом может не хватить времени...» Пришлось перевести разговор на более веселую тему. Я рассказал, как недавно ездил на Пороной ловить шук, и Олег Павлович разувался, стал вспоминать, как когда-то, работая вместе в издательстве, мы иногда выбирались половить мелочку в речушках недалеко от Южно-Сахалинска. Заводили костерок, варили уху, не могли надышаться душистым лесным воздухом... «Эх, вот подлечусь маленько — и хорошо бы выбраться на денек, а?» — мечтательно сказал он. «Да запросто!» — согласился я. На этом мы и распрощались.

А 10 июня, отдыхая на берегу теплого моря в нескольких тысячах километров от Сахалина, я получил сообщение на мобильник: «Умер Олег Кузнецов». Побежал в гостиницу, зашел в Интернет на сахалинские сайты, узнал подробности печального события...

Жаль, так и не удалось встретиться с ним еще раз на речку, завести костерок, надергать серебряной мелочушки. Прав был Олег Павлович: жизнь только кажется бесконечной, но на самом деле никогда не хватает времени.

Владимир СЕМЕНЧИК.
suho@brik@skr.su

Фото из архива семьи Кузнецовых.